

Непонятно, что побудило автора производить диал. (кашуб.) *kruszcz* 'руда, металл' от особого праслав. *krušǣ < *krustǣ + *-jǣ*. Естественнее объяснить *kruszcz* как местное продолжение древнего *krušǣ, представленного и в польск. *kruszec* (с тем же значением) и в других славянских языках.

Польск. диал. *krzeszczec* 'о крике курицы' удачно связывается с южнославянскими — с.-хорв. *kriještatī*, болг. *кpeцѝ* 'кричать' — вокруг праслав. *krěščati. Самостоятельность и ранний характер этого образования говорят как будто против того, чтобы рассматривать его как одно из второстепенных производных под заглавным словом *krzeszczec* 'кричать, каркать, стрекотать'. Ср. более близкие к последнему *krzekać*, *krzekotać*, *krzekać*, которые рассматриваются в особых статьях.

Думается, что особая реконструкция праслав. *kremyšǣkъ для польск. *krzemyszek*, н.-луж. *kšemyšk* 'кремень, кремешок' излишня. Здесь -š- произошло диссимилативным путем, и для этих случаев действительна та же праформа *kremyšǣkъ (уменьшительное от *kremyкъ), что и для польск. *krzemyszek*, с.-хорв. *kremićak* (см. стр. 217 данного выпуска).

О. Н. Трубачёв.

Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке

Изд-во Казанского ун-та, 1968, 367 стр.

В книге Э. М. Ахунзянова подведен итог разысканий автора в области изучения слов, проникших из русского языка в татарский литературный язык и его многочисленные диалекты, показано воздействие русского языка на татарскую лексику в течение всего длительного периода взаимодействия этих двух языков. Во Введении автор говорит о типах языковых контактов и их результатах в разных языках. Давая определение терминов «заимствование» и «заимствованное слово», Э. М. Ахунзянов следует в основном за Л. П. Крысиным¹, особое внимание уделяя социологическому и публицистическому аспекту изучения путей проникновения русских слов в татарский язык на разных этапах взаимодействия русского языка с татарским, выделяя для специального рассмотрения слова, вошедшие в татарский язык до присоединения Татарии к Московскому государству. Жаль только, что при анализе этих древнейших заимствований автор не учитывает их наличия в соседних языках. Так, говоря о древнем проникновении в татарский язык русского, теперь диалектного названия грибов — *губа*, которое в татарском языке отражено с носовым согласным *м* перед *б* — *гэмбэ*, что Э. М. Ахунзянов считает несомненным признаком заимствования из древнерусского языка того времени, когда в языке у восточных славян еще существовали носовые гласные, т. е. слово произносилось тогда с носовым гласным *о*, Э. М. Ахунзянов, однако, не учитывает той возможности, что к татарам это слово могло попасть не прямо от восточных славян, а через посредство других языков, которые заимствовали это слово у восточных славян гораздо раньше татар и сохранили носовой согласный; ср. названия грибов: чуваш. *кѣмпа* и коми-зыр. *гоб*, удм. *губи* (с поздним выпадением носового согласного перед *б* на персской почве), мар. *понго*, эрзянск. *панго*, мокш. *панга* (с метатезой *к-б* > *п-г*, оглушение начального согласного и озвончение согласного между

¹ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. — Э. М. Ахунзянов, впрочем, использует более ранние публикации Л. П. Крысина. Ср. также тщательный пересказ предложенной О. Н. Трубачевым этимологии слова *баран* на стр. 79—81 рецензируемой книги.

сонорным *н* и гласным закономерно), а также венг. *gomba* и лит. *guĩbas* 'нарост, желвак'. Слово к татарам могло попасть или из чувашского языка, или из финно-угорских языков Поволжья. То же самое можно сказать и относительно татарского слова *көнжәл*, сопоставляемого с русским *кудьяль*. С носовым согласным это слово завидательствовано в чувашском, марийском и финском языках. Вообще Э. М. Ахунзянов явно недостаточно обращает внимание на русизмы в других языках Поволжья. В частности, было бы интересно сопоставить русизмы татарского языка с русскими заимствованиями чувашского языка, которые были исследованы А. Е. Горшковым². Возможно, в результате такого рода сопоставлений удастся выявить общеповолжский лексический фонд русского происхождения.

В книге Э. М. Ахунзянова содержится большой фактический материал, которым трудно пользоваться из-за отсутствия указателя при несловарном расположении фактов, когда лексический материал дается обычно как иллюстрация к рассуждениям автора, а не в виде словаря заимствований.

В книге можно найти весьма интересные примеры своеобразной семантической судьбы слов, когда собственное имя *Марья* (пе книжная форма *Мария*) превратилось в нарицательное существительное *маржа*, обозначающее любую женщину-нетатарку, особенно русскую (стр. 155). В целом убедительны рассуждения автора о том, что «русское слово *имя* проникло в татарский язык в форме родительного (?) падежа множественного числа *имена*, по законам татарской фонетики превратилось в *имана*, а по конкретно историческим причинам стало обозначением податей и налогов. Дело, видимо, заключалось в том, что сборщики налогов, недоимок и других податей, когда приезжали в татарские села, прежде всего требовали имена недоимщиков, поэтому в сознании темного и в основной своей массе неграмотного татарского населения это слово навеки осталось как название податей и повинностей, которые взимались с крестьян деньгами и припасами. В этом значении слово *имана* приводится в словаре Н. П. Остроумова как татарское соответствие русским словам *подать* и *налог*» (стр. 155—156)³. Правда, иногда в разделе об изменениях значений можно найти и ошибочные высказывания: например, Э. М. Ахунзянов считает, что значение 'трудодень' у слова *перэжкэ* возникло потому, что «татары, когда идут на работу, как правило, подпоясываются кушаком или ремнем, который называется также *перэжкэ* (<русс. *пряжка*, целое названо по части)» (стр. 156). На самом же деле *перэжкэ* 'трудодень' является немного переосмысленным русским диалектным словом *упряжка* 'часть рабочего дня, во время которой не выпрягали лошадей; срок от отдыха до отдыха и т. п.' Представляется неверным касимовско-татарскую форму *уши* (точнее — *уши*), с гортанной смычкой в ауслауते 'сплетня' считать переосмысленным русск. *уши* (мн. ч. от *ухо*): на самом же деле это слово исконное тюркское (ср. казах. *өсек* 'сплетня') и случайно совпало с русским по звучанию в результате перехода конечного *-х* в гортанную смычку в касимовском диалекте (стр. 156). С другой стороны, Э. М. Ахунзянов считает исконным татарским словом *элүкэ* 'полук (в бане)' (стр. 163), хотя это слово является видоизменением русского *лавка*, произносимого в диалектах как *лаўка*. Ср. развитие протетического гласного *э* перед *л* в татарском слове *элин* (из русск. *лён*, стр. 134). Автор не всегда учитывает историю слова в русском языке, что видно из следующего примера: «В сергачском говоре татарского языка татарское слово *оек* вытеснено искаженным русским словом

² А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963. Ср. также: Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957; А. А. Сававакова. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.

³ На русское происхождение слова указал уже Л. З. Будагов в своем «Сравнительном словаре туарецко-татарских наречий» (т. I. СПб., 1869, стр. 209) на несколько лет раньше Н. П. Остроумова, о чем Э. М. Ахунзянов не упоминает.

цолка (чулок, чулки). Следует отметить, однако, что русское слово *чулок*, по-видимому, само восходит к татарскому слову *чолгау* (портянка), которое при заимствовании русскими изменилось сообразно с законами фонетики русского языка и превратилось в *чулок*, а позднее оно было заимствовано обратно в один из говоров татарского языка в виде *цолка* со вторичным изменением уж сообразно с законами фонетики данного говора, еще более искажившими первоначальный облик этого слова» (стр. 144). На самом же деле русское слово *чулок* является заимствованием из древнечувашского (булгарского) *чулка (где отпал конечный $-y < g, k$; ср. соврем. чуваш. *чӑлка*), которое было воспринято как двойственное число, и к нему образовано «нормальное» единственное *чулок* с беглым *о*. Ср. *поводá* — *пóвод*, *бокá* — *бóк* и т. п. Аналогичным преобразованиям подвергалось на русской почве слово *чѣбот*, о чем см. мою заметку «Два чѣбота — пара» («Русский язык в школе», 1968, № 4, стр. 39). Татарская диалектная форма *цолка* с отсутствием конечного $-y$ (из * $-g$), отпавшего на чувашско-булгарской почве, лучше сохранила древнечувашское слово, правда, наделив его мишарским *ц*-, который соответствует звуку *ч*- в литературном языке. Следовательно, татарская диалектная форма *цолка* должна рассматриваться как чувашское заимствование. На стр. 322 Э. М. Ахунзянов приводит из произведений татарских писателей форму *шелковый чулкилар*, где действительно выступает русское заимствование с татарским показателем множественного числа *-лар*.

Число подобного рода конкретных замечаний можно было бы увеличить, в частности, книга содержит много опечаток, но в целом книга подает весьма интересный материал, полное осмысление которого еще впереди.

И. Г. Добродомов